

Г. Л. Кирдецов

У ворот Петрограда

1919—1920

• КУЧОВО ПОЛЕ •

ВОЕННЫЕ

МЕМУАРЫ

Григорий Львович Кирдецов
У ворот Петрограда (1919–1920)
Серия «Военные
мемуары (Кучково поле)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29818894

У ворот Петрограда (1919-1920). / Г. Л. Кирдецов: Кучково поле;

Москва; 2016

ISBN 978-5-9950-0681-7

Аннотация

Книга Г. Л. Кирдецова «У ворот Петрограда» освещает события 1919–1920 годов, развернувшиеся на берегах Финского залива в связи с походом генерала Н. Н. Юденича на Петроград, непосредственным участником и наблюдателем которых был ее автор. Основной задачей, которую Кирдецов ставил перед собой, – показать, почему «данная страница из истории Гражданской войны кончилась для противобольшевистского дела столь же печально, как и все то, что было совершено за это время на Юге, в Сибири и на Крайнем Севере».

Содержание

Об авторе	5
Вместо предисловия...	7
Глава I	9
Глава II	22
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Григорий Львович Кирдецов У ворот Петрограда (1919–1920)

Печатается по изданию:

Кирдецов Г. У ворот Петрограда (1919–1920).
Берлин, 1921.

Об авторе

Григорий Львович Кирдецов (Дворжецкий) родился в 1880 году. Профессиональный историк, журналист и переводчик, он до 1917 года сотрудничал с редакциями «Еврейской энциклопедии», журналов «Мир Божий», «Вестник Европы», «Русская воля», а во время Первой мировой войны был корреспондентом газеты «Биржевые ведомости» в Копенгагене. Весной 1918 года он уехал из Петрограда в Эстонию и с июля 1919 года в Ревеле занимал пост редактора официоза Северо-западного правительства – газеты «Свободная Россия», в 1919–1920 годах вместе с А. И. Куприным редактировал газету «Свобода России», а в 1920–1921 годах – газету «За свободу России». Одновременно в 1919–1920 годах Кирдецов занимал ключевую должность в Отделе агитации и печати Политического совещания при Главнокомандующем Северо-Западной армии генерале Н. Н. Юдениче. Впечатления, полученные во время работы на этом посту, легли в основу изданной в 1921 году книги «У ворот Петрограда».

В 1921 году Кирдецов перебрался в Германию, где, разочаровавшись в Белом движении, примкнул к сменовеховскому общественно-политическому течению, и в 1922–1923 годах в Берлине редактировал главный печатный орган смено-

веховской группы – ежедневную газету «Накануне». Получив советское гражданство, с 1 октября 1923 года он стал заведующим Отделом печати посольства СССР в Германии, а позже был назначен на должность пресс-атташе советского посольства в Италии. Вернувшись в середине 1920-х годов в Россию, Кирдецов работал в Народном комиссариате иностранных дел, сотрудничал в журнале НКВД «Международная жизнь», в 1931–1935 годах работал в редакции Большой советской энциклопедии.

28 августа 1935 года Кирдецов был арестован в Кисловодске и спецконвоем направлен в Москву в распоряжение Главного управления госбезопасности НКВД СССР, а постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 28 марта 1936 года за «активное участие в контрреволюционной группе и антисоветскую агитацию» (статьи 58–10: 58–11 УК РСФСР) выслан в город Туруханск Красноярского края. Два года спустя, 7 февраля 1938 года, он был вновь арестован УНКВД Красноярского края и постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 19 февраля 1940 года за «участие в антисоветской правотроцкистской организации» заключен в ИТЛ на 8 лет. Сведения о дальнейшей судьбе Кирдецова отсутствуют, хотя не приходится сомневаться в том, что он сгинул в сталинских лагерях.

Вместо предисловия...

Я предлагаю вниманию читателя не исторический труд, а только страницы вчерашней действительности – «отрывки из записной книжки». Я описываю события, развернувшиеся на протяжении 1919–1920 годов на берегах Финского залива в связи с походом Юденича на Петроград. Эти события я описываю так, как я их видел в качестве непосредственного участника и наблюдателя. Единственная задача, которую я здесь преследовал, это – показать, почему данная страница из истории Гражданской войны кончилась для противобольшевистского дела столь же печально, как и все то, что было совершено за это время на Юге, в Сибири и на Крайнем Севере.

Само собой понятно, что мой труд не притязает на объективность. Это дело будущего историка российской революции, а не нас, современников, которые только путем познания вчерашних заблуждений, ошибок и грехов смогут завтра найти ответы на вопрос: «Что делать?» Этому пониманию вчерашней действительности я и посвящаю свой труд.

Я избегал, как читатель увидит, и хронологии, и архитектурной систематичности — они только помешали бы задаче, которую я ставил себе во имя «науки», за которую, действительно, платить не жалко – лишь бы учение шло впрок...

Лица, учреждения и факты привлекали наше внимание в той мере, в какой они являлись техническим выражением идей, лежавших в основе вооруженной борьбы против Советской власти. Вот почему читатель только попутно найдет в моем труде тот или иной «обвинительный акт» против отдельных лиц, из которых многие волею судеб и ныне продолжают вдохновлять так называемую белую идеологию.

Отмечу еще, что материалом для моего труда служили мне мои личные воспоминания, а также документы, выведенные мною из Гельсингфорса и Ревеля и относящиеся к отдельным сторонам деятельности Политического совещания Юденича и Северо-Западного правительства.

Чехословакия, май 1921

Глава I

К финским берегам

3 января 1919 года на пароме, шедшем из Стокгольма в финские шхеры, внимание пассажиров привлекал к себе некий господин лет 50-ти, небольшого роста, сутуловатый, широкоплечий, с бычьим затылком и непомерно длинными усами. Он ни с кем не заговаривал за общим столом, старательно прятал глаза при случайных встречах, а когда его о чем-либо спрашивали, то вместо него торопливо отвечали то один, то другой из двух других пассажиров, неотлучно его сопровождавших.

Он явно внушал обоим большое уважение, минутами даже страх. Их разговор даже не имел характера беседы равных меж собой людей: он ставил краткие вопросы или делал столь же краткие замечания, они, почтительно поддаваясь корпусом вперед, отвечали, и в таких случаях до меня долетало отрывистое, придушенное: «так точно, ваше...ство» или «слушаюсь»... На палубе, бывало, когда «он» гулял, заложив руки за спину и отмеривая шаги, они словно его охраняли, держась чуть-чуть позади и подобострастно заглядывая ему в лицо.

Один только раз, помню, за весь переход до Або¹ сре-

ди немногочисленных русских пассажиров завязалась общая краткая беседа. Заговорили о том, что наболело на душе, — о большевиках и большевизме.

То было время первых «южных» надежд: бывшая Кавказская армия успешно отбивалась от местных большевиков, в Ростове-на-Дону после смерти Алексеева Краснов и Деникин организовывали свои первые добровольческие отряды²; из Украины, вследствие капитуляции германцев на западе и согласно договору о перемирии, поспешно уходили длинные эшелоны армии генерала Эйхгорна³, загромождая все пути, идущие на запад, покидая во многих местах обозы, артиллерию, продовольствие и снаряжение.

* * *

Кто первый вслед за уходящими немцами займет этот обширный край, растянувшийся от Одессы до Пинских болот и от Ростова-на-Дону до курских окраин? Большевики напирают с севера, Петлюра с запада, т. е. из Восточной Галиции. Краснов с донскими казаками держит курс на Екатеринослав и Донецкий бассейн...

Но Красная армия Троцкого еще только образовывается, Петлюра только пугает своими «корпусами», потому что в действительности, вследствие перемирия на западе, от него откалываются поспешно один за другим все его австро-английские легионы⁴. Краснов же находится под явным политическим подозрением за свое сотрудничество с немцами.

Еще помнили, что недавно, за месяц-два до германского краха на западе, он посылал в Берлин с официальной миссией к Вильгельму своего друга герцога Лейхтенбергского и просил венценосного Гогенцоллерна от имени «десятков миллионов людей» осуществить возможно скорый план Гоффмана (знаменитого героя Брест-Литовска), т. е. занять Москву и Петроград. А там, Бог даст, все устроится на славу – монархия в России будет восстановлена в полном объеме и русский народ и его династия вечно будут чтить память Вильгельма...

Этому эпизоду посвящены характерные места в появившихся недавно воспоминаниях «*Erlebnisse im Kriege*»¹ вождя германского центра, бывшего министра финансов в первом германском республиканском кабинете, доктора Эрцбергера, который благодаря своей близости к тогдашнему канцлеру Бетману-Гольвегу, очевидно, был посвящен во все детали предстоящего «дела». Но Эрцбергер, как, впрочем, и Людендорф, а вместе с ними и Гельферих, побывавший в Москве после убийства графа Мирбаха (6 июля 1918), одинаково подчеркивают, что августовский план генерала Гоффмана, политически подготовленный в самой России не только красновской челобитной, но еще в большей мере знаменитой по своей внезапности «ориентацией» Милокова на немцев, – все эти современники и участники событий со-

¹ Полное оригинальное название «*Erlebnisse im Weltkrieg*», (Berlin, Stuttgart, 1920). – *Здесь и далее примеч. ред.*

гласно указывают, что план двинуть восемь дивизий, стянутых под Псковом, на Петроград были сорваны исключительно событиями на германском фронте во Франции¹. В ночь на 9-е августа англо-французская армия прорвала германские линии в район Мондидье на большом участке, и с того момента вплоть до капитуляции и заключения перемирия немцам «уже не до России было»: дивизии, сосредоточенные в Орше и в Пскове, понадобились для затычки западных дыр, а других свободных резервов для действия против Петрограда и Москвы уже не было.

Так, по свидетельству беспристрастных летописцев императорской Германии, грандиозному плану, имевшему при тогдашних условиях много шансов на успех, не суждено было осуществиться. П. Н. Милюков скоро опять пошел в Канносу, переправившись в Париж, а оттуда в Лондон; Краснов же, изгнанный донской Радой и скомпрометированный у Деникина, перенес свою квартиру на другой конец России – в Ревель, в ряды Северо-Западной армии, в момент, когда она готовилась взять Петроград и оттуда протянуть руку Деникину, наступавшему через Орел и Тулу на Москву...⁶

Об этом и другом говорили русские пассажиры – «беженцами» нас тогда еще не называли.

«Он» выслушал различные пророчества, политические и стратегические объяснения общего положения, а также рас-

¹ Полное оригинальное название «Erlebnisse im Weltkrieg», (Berlin, Stuttgart, 1920). – *Здесь и далее примеч. ред.*

сказы о том, как каждый из пассажиров, прежде чем попасть на суденышко, отвозившее нас к берегам Финляндии, должен был пройти через Сциллу и Харибду всевозможных виз, шлагбаумов, опросов и арестов, – выслушав все это с олимпийским спокойствием, он молвил, наконец, сильно потянув вниз свой длинный левый ус:

– Еще хуже будет... Хуже...

Такие же проблески здорового оптимизма и веры в Россию мне довелось обнаружить через некоторое время в Гельсингфорсе у другого известного русского общественного деятеля – у В. Д. Кузьмина-Караваева⁷, о котором кто-то еще в Петрограде однажды метко сказал, что в царскую эпоху «это был либерал в генеральских кругах и генерал – в либеральных». Хотя заслуга эта перед российской общественностью невелика, но в Гельсингфорсе весной и летом 1919 года В. Д. Кузьмин-Караваев, несмотря на свои преклонные лета и расшатанное здоровье, все же сделался активнейшим членом так называемого Политического совещания при будущем главнокомандующем Северо-Западного фронта. Он вел переговоры (через переводчиков) с англичанами об оружии и снаряжении, с американцами – о продовольствии для Петрограда, а в свободные часы срывал «фронду», исходившую от столпа гельсингфорсской оппозиции некоего сенатора С. В. Иванова, бывшего председателя Петроградской городской управы. Тот, например, находил, что все дело снабжения Петрограда продовольствием и санитарией должно

быть представлено «закономерному органу городского самоуправления», каковым он столь же закономерно считал себя и двух-трех петроградских гласных, а не самочинному Политическому совещанию при главнокомандующем.

В этом выражалась вся его оппозиция. Но за эту дерзновенную смелость С. В. Иванов и прослыл тогда в Гельсингфорсе «демократом», вождем оппозиции, между тем как либерал генеральских кругов – В. Д. Кузьмин-Караваев – тяготел больше к «умеренным» централистам.

И вот однажды – это было вскоре после первого неудачного наступления на Петроград со стороны Ямбурга – когда молодые элементы за чашкой чая у А. В. Карташева⁸ стали напирать на Политическое совещание, требуя от него больше активных действий, В. Д. Кузьмин-Караваев, выслушав горячие речи, спокойно молвил с выражением глубокой покорности судьбе:

– Погибла Греция, погиб Рим, погибнет, очевидно, и Россия...

То же пророчествовал, как мы видели, и наш спутник на пароходе, которому через 10 месяцев после описанной здесь встречи суждено было стать на некоторое время общемировой знаменитостью и «почти» золотыми буквами вписать свое имя в страницы истории России.

Это был – Юденич.

* * *

Я начал свой труд с описания встречи с Юденичем, конеч-

но, не потому, что я склонен был считать его выдающейся фигурой в области политики или стратегии: еще меньше в мои задачи входило сделать из него национального «героя», которому якобы только по злему капризу судьбы не удалось завершить дело освобождения Петрограда осенью 1919 года и тем самым автоматически положить начало общему изгнанию большевиков из России.

Напротив, мне хотелось бы только показать, как идеология белого противобольшевистского движения неизбежно должна была привести к магическому превращению маленького ничтожного человека в «диктатора», что социально-политические силы, лежавшие в основе антибольшевистской вооруженной борьбы на всем протяжении российской территории, неуклонно и неминуемо должны были привести к краху всего движения – независимо от вопроса, где какой «диктатор» действовал, находился ли летом и осенью 1919 года на берегах Финского залива «сам» Верховный правитель или только его наместник – карикатура «главнокомандующего» – Юденич.

Болезнь белого движения была ведь не в лицах, не в тех или иных военно-политических «фигурах», оказавшихся по случайному стечению обстоятельств во главе, а в отсутствии у него идеологии или, точнее, по выражению Анатоля Франса, в злой его идеологии.

Вглядитесь, в самом деле, во внутреннюю сущность дела. Все белые фронты 1919–1920 годов имели свои осо-

бенности, обусловленные местными географическими, национальными, гражданско-политическими и международно-правовыми факторами. У Колчака были одни условия, у Деникина – другие, на Архангельском и Мурманском фронтах – третьи, а на северо-западе, наконец, под Петроградом – четвертые. Некоторые из этих особенностей, влиявшие, несомненно, в большей или меньшей степени на ход событий, складывались в пользу антибольшевистской борьбы, другие – во вред. И тем не менее движение потерпело крах на всех фронтах и почти одновременно – подобно тому, как крахом же кончались войны, которые французские эмигранты эпохи Великой революции, прямо или косвенно, вели против голодной армии Конвента. Последний, помните, порознь и купно бил пруссаков, австрийцев, испанцев, сардинцев, словом, кому только охота была быть битым; англичан даже с их флотом армия Конвента голыми руками изгнала из Тулона.

На этих «особенностях» различных противобольшевистских фронтов мы остановимся впоследствии, в частности в отдельной главе, мы покажем, например, насколько на Северо-Западном, «юденическом» фронте английский элемент играл далеко не последнюю роль, бросающую обильный свет на общую политику Англии в русском вопросе. И пусть не указывают идеологи нашего белого движения, что именно эта разновидность местных условий, в которых приходилось действовать отдельным фронтам, и привела к

краху, что, мол, каждый отдельный диктатор и его армия и правительство были пленниками окружающей обстановки и жертвами скрещивавшихся международных влияний. Пусть не указывают они и на параллель мировой войны в этом вопросе.

Ведь последний аргумент говорит как раз против них. Военно-стратегическая и гражданско-политическая особенности союзных фронтов в Европе и Азии представляли собой, насколько понятно даже малограмотным, самую пеструю картину местных особенностей, обусловленных длинной серией исторических, географических, социальных и даже религиозных причин. И тем не менее союзники не только вышли сухими из воды, но даже оказались победителями по всей линии. Значит, не в местных особенностях кроется вопрос о победе или разгроме большого движения, а в основной идее, которая руководит всем движением.

Пруссия в 1870 году разгромила Францию Наполеона III потому, что она была сильна не только пушками и митральезами, но главным образом здоровой идеей национального объединения Германии; Франция же Второй империи была до корня развращена политически и морально, а ее солдаты, естественно, не понимали, почему, в сущности, они должны бить пруссаков во имя неприкосновенности испанского престола.

Даже идеологи чистейшего технического милитаризма давно уже признают, что идея – все.

«Стратегия – это та же политика, но с другими средствами», – учил Клаузевиц, несомненно, и наших отечественных генералов. Политика же, как известно, с неба не падает. Она – игра интересов и техническое выражение идей.

Великая французская революция была сильна именно своей идеей – в этом согласны все научные исследователи от Карлейля и Тэна до Жореса; достаточно было, чтобы, скажем, всего пять процентов голодных оборванных солдат Конвента были убеждены, что они несут на острие своих штыков свободу, равенство и братство; достаточно было им знать и верить, что против них действуют реставраторы – и революционная армия в целом творила чудеса на полях сражений, вписав Жемана и Вальми золотыми буквами в общую военную историю Франции. Все это – азбука для современных поколений, но если требуется еще какое-нибудь убедительное доказательство, то оно дано было в прошлом году результатами польско-советской войны.

Французский генерал Вейган, начальник штаба Фоша, организатор обороны Варшавы и сентябрьского польского контрнаступления, завершившегося в Париже, суммировал свои впечатления о польской и советской армиях в военнотехническом отношении двумя словами: «Оба хуже...»

В чем же секрет несомненной победы поляков? Почему они имели свою «Марну», если отдельные их части были вооружены косами вместо винтовок, а обмундирование и снаряжение уступало большевистским.

А потому, что, скажем, пять процентов их солдат верили в правоту своей идеи и были убеждены, что вступи Радек во главе сколоченного им в Белостоке советского правительства в Варшаву – и через несколько месяцев или даже недель Польша превратится в такой же рай, как Россия, где мухидохнут от голода, а Чрезвычайка – «правит».

И пусть не лжет лишний раз советское правительство, что, мол, стрелочники виноваты в военной катастрофе, что какой-то Буденный (вчерашний герой) непростительно «зарвался», а Красная армия, подойдя к стенам Варшавы, оказалась утомленной длинными переходами и артиллерия вообще не поспевала... Эти оправдания стоят столько же, сколько подобные же защитительные речи на устах любого модного адвоката буржуазного правительства. «Переутомление» Красной армии, раз она в постоянных боях и «прорывах» прошла что-то около 500 верст, можно было предвидеть, а что до артиллерии и обозов – то их качество и темпы передвижения знали, надо думать, не только главноверх Тухачевский, но любой артиллерийский поручик⁹.

Нет, не в этом секрет поражения под Варшавой, а в том, что Красная армия шла в бой из-под палки, без идеи, без веры в свое дело. Был, правда, момент, когда и она, такая же голая и босая, как польская, одерживала победы и стала внушать к себе уважение выдающихся военных авторитетов Европы, что, в свою очередь, заметно стало влиять на общий престиж Советской власти. Но это наблюдалось только тогда,

когда (май и июнь 1920) маршал Пилсудский, считая, что раз в Советской России «все лежит плохо», то и Польша может поживиться, вздумал учинить свой набег на Киев и белорусские земли. Но при блестящем отпоре, который дала ему тогда Красная армия, она не была «красной», подобно тому как далеки были от якобинства и те французские полки, которые по приказу Конвента изгнали англичан из Тулона в какие-нибудь сутки. Когда же коммунистический империализм стал толкать армию все дальше и дальше, невзирая на то, что этнографическая линия Керзона, принятая большевиками, да еще с маленьким плюсом, давно уже была пройдена, когда Ленин вздумал использовать не «красную» свою армию в целях ускорения взрыва социальной революции на Западе через варшавские ворота, то оказалось, что из двух армий, из которых одна, по выражению Вейгана, «хуже другой», победила та, которая в данный момент и при данных условиях была более сильна своей идеей, – польская.

И по аналогии – применительно к затронутому здесь вопросу о Юдениче – надлежит сказать то же, что о большевистском главнокомандующем Тухачевском, и о десятках других генералов, терпевших поражения:

Не в стратегической бездарности Юденича секрет внезапного разгрома Северо-Западной армии под Гатчиной и Царским Селом. Бывший «герой» Эрзерума мог бы оказаться и с успехом «героем Петрограда», но для этого нужно было, чтобы он не был Юденичем, т. е. чтобы он и его ближай-

шие сотрудники в области как военной, так и политической не были выразителями идей отжившего мира и тех социальных сил, которым победа под Петроградом нужна была только для того, чтобы насильственно остановить непреложный ход неизбежного исторического процесса – демократизации России¹⁰.

Глава II

Гельсингфорс и Ревель

В описываемые нами дни в Гельсингфорсе, а еще больше на южном берегу Финского залива – в Ревеле явно «назревали события».

В ночь на Новый год английский флот в составе нескольких легких крейсеров и десятка миноносцев-истребителей впервые появился в западной части Финского залива – примерно по линии Гельсингфорс – Ревель¹¹. В ту же ночь они имели первую встречу с отрядом легких большевистских судов, в результате которой один красный истребитель был пущен ко дну, а два быстроходных миноносца типа «Новик» после первых же выстрелов сдались. То были «Спартак» и «Автроил», числящиеся в эстонском флоте, которому английский адмирал Кован передал их тогда по приказу His Majesty² на правах пользования.

Эту подробность важно отметить потому, что молодая Эстонская республика, по примеру финляндцев, смотрела впоследствии на эти суда как на «военную добычу» – между тем как в действительности эстонцы их никогда не «добывали», а английский адмирал, естественно, не мог дарить эстонцам

² Его Величество король Великобритании.

того, что ему не принадлежало, раз His Majesty в войне с Россией не только не состоял, но даже считал себя союзником. Что же касается большевистской власти, то, заключая 28 января 1920 года мирный договор с Эстонией, она даже не потрудилась вспомнить об этих судах, оговорив лишь суммарно в одной из статей, что весь военный материал, оставленный Россией в пределах Эстонии, переходит в ее собственность.

Большевикам никогда не жалко...

Появление английского флота в Финском заливе, т. е. на морских подступах к Петрограду, и факт, что они приняли или даже вызвали бой с большевистскими судами, заставляли рассчитывать на возможность широких морских операций против Кронштадта, который в ту пору был, несомненно, уязвим. Соответствующие данные в изобилии находились у английского адмирала, а также в финляндском штабе. Это было время, когда немцы, согласно требованию договора о перемирии с союзниками, только что покинули пределы Финляндии (18 декабря 1918), а немного раньше – южный берег залива, Ревель и всю территорию до Пскова и дальше. Из Финляндии они ушли «под музыку», провожаемые восторженными «Auf Wiedersehen» белогвардейцев Маннергейма, депутациями от университета и ученых обществ, барышнями и толпами детей, подносящими цветы, – словом, как полагается «освободителям». Из Ревеля же, а еще раньше из Нарвы и Юрьева они бежали, бросая богатый

военный материал и снаряжение (кроме продовольствия), продавая оружие всем без исключения – белым и красным, тому, кто больше предлагал.

Через месяц после этих событий, в середине января 1919 года, когда я впервые посетил Ревель, тогдашний эстонский министр-президент и вождь так называемой народной партии Пэте¹² доказывал мне, что немецкие войска продавали открыто оружие (вплоть до целых батарей артиллерии) предпочтительно красным частям и отдельным комиссарам. Не знаю, правда ли это было в действительности, ибо в Ревель я прибыл в те дни не как российский эмигрант, терпимый, но не любимый, а в качестве корреспондента влиятельных английских газет, и весьма возможно, что глава молодой республики через меня «делал настроение» в Англии в пользу своей страны.

У эстонцев, как и у русских, от появления английской эскадры в Финском заливе через несколько же дней после ухода немцев радостно забились сердца.

Противников военной помощи со стороны союзников – среди русских демократических партий, в том числе и социалистических, тогда еще не было. Насилию должна быть противопоставлена сила. Силу же могли дать только союзники, не занятые больше никакими военными действиями против Германии, которая уже капитулировала. Опыта правления Колчака и Деникина тогда еще не было. Для русских социалистов, в частности, вопрос о том, можно и должно

ли пользоваться военной помощью извне, решался исключительно в плоскости тактики, а не принципов. Марксистское «Zwischen zwei Rechten entscheidet die Gewalt»³ Не оспаривалось.

Сами же большевики в те дни заметно колебались и открыто в своей печати обсуждали вопрос, не следует ли использовать момент появления союзной реально силы в Финском заливе, чтобы уйти, по крайней мере, из Петрограда и отдать его на съедение Ллойд Джорджу, а самим тем временем окопаться по линии Бологое – Тихвин, ближайшей к Москве.

Какие последствия эта мера имела бы для дальнейшей борьбы с Советской властью при полной неорганизованности Красной армии, при наличии 30 000 чехословаков на Урале, при продвижении Винниченко и Петлюры на Киев и при общем тогдашнем состоянии умов в Советской России (голод еще не убивал тогда инициативу) – удержалась ли бы тогда Советская власть в Москве, терзаемая непрекращающимися крестьянскими восстаниями в центральном и волжском районах, рабочими забастовками и саботажем – сказать не трудно.

Достаточно напомнить для иллюстрации тогдашнего настроения умов среди большевиков и состояния их психики следующий факт.

Красные дивизии, подошедшие 5 января 1919 года (т. е.

³ Закон на стороне сильного (нем.).

через месяц после ухода германцев) к Ревелю на расстояние тридцати верст, были отброшены с большими потерями отрядами ревельских гимназистов, которые наспех были организованы местными общественными группами от социал-демократов до народников (конституционных демократов) включительно¹³. Эти же гимназисты, среди которых находились дети возрастом 12–13 лет, да еще и некоторые добровольческие отряды под руководством эстонских офицеров русской службы, случайно оказавшихся в стране после ухода немцев, без штабов и учреждений, без хлеба и денег и почти без амуниции, – они не только отбросили большевистскую армаду от Ревеля, но к 22 января уже бились с ней под Нарвой и Юрьевым, пройдя с боем больше 200 верст.

* * *

В то же время в южной части тогдашней Эстляндской губернии и в северной части Лифляндской отряды русских солдат (первые ячейки будущей Северо-Западной армии), образованные раньше в Пскове, успешно сдерживали натиск другой большевистской армады, которая через Валк рвалась в Ригу¹⁴.

Я видел в те дни в Ревеле в эстонском Главном штабе, помещавшемся в трех крошечных комнатках недостроенного дома на Булочной улице и в кабинете тогдашнего главы правительства Пэтса, неопровержимые доказательства слабости большевиков – военной и политической армии, вроде той, которая через год сражалась против Деникина, Кол-

чака и Юденича одновременно: не было еще, не было и того государственного аппарата, который большевики впоследствии успели создать чисто механическими средствами. Я видел и трофеи, захваченные эстонскими гимназистами и солдатами-добровольцами у большевиков: знамена китайских «коммунистических» полков и их печати, от которых веяло смертных холодом, штандарты отборных латышских частей, которым было поручено взять Ревель и Ригу во что бы то ни стало, и наконец, рапорты, донесения и приказы, свидетельствовавшие только об одном – что «власти» у большевиков еще нет, что они пока только злоумышленники, хитростью и обманом забравшиеся в чужой дом, к которому, однако, с разных концов уже стекаются законные его владельцы – демократия России.

И оттого у многих так радостно забились сердца, когда в первые январские дни английская эскадра вошла в Финский залив и тотчас же, как мы видели, ликвидировала большевистские морские силы, шедшие на бомбардировку Ревеля с моря. Впрочем, впоследствии было установлено, что никакого «боя» в военно-техническом смысле слова не было: большевистские суда (типа «Новика»), обладавшие значительно большей скоростью хода, чем английские истребители, сдались адмиралу Ковану¹⁵ добровольно. Команда осталась невредима, только знаменитый Раскольников, главный морской комиссар, был снят с «Автроила» и отправлен в Англию. Это показывало, что и флот, «краса и гордость Ок-

тябрьской революции», далеко не надежен¹⁶.

Оставалось теперь выяснить вопрос, какие общественно-политические организации имеются налицо по близости к обозначившемуся и развивающемуся «петроградскому» театру войны, т. е. в Гельсингфорсе и Ревеле. А если их еще нет, то из каких элементов они могут быть созданы и каким духом проникнуты в целях усиленного руководства движением по возможности без директив из центра – Парижа, где в ту пору уже были сосредоточены сливки первой российской эмиграции. Во-вторых, выяснить надлежало в первую же голову те формы, в которые должны вылиться взаимоотношения между русскими общественно-политическими организациями и местными новыми государственными образованиями – независимо от того, признаны ли они С. Д. Сагоновым¹⁷, прибывшим тогда в Париж с большой помпой по мандату знаменитого государственного совещания в Яссах в качестве полномочного руководителя внешней политики России...¹⁸

В Гельсингфорсе, куда я прибыл 4 января 1919 года, я застал своеобразную арену российской общественности и самодеятельности. Местное, так называемое коренное русское население «политикой» не занималось. Оно состояло главным образом из зажиточных купцов и землевладельцев, крепких буржуа, перешедших частью в финляндское гражданство, и редких интеллигентных элементов – учителей и

чиновников. Эта часть населения, естественно, своими мыслями и чувствами была за белоостровским шлагбаумом – в России, но в сколько-нибудь заметную активность не переходила¹⁹.

Другой значительный контингент русских составляли военные, преимущественно офицеры, служившие раньше в различных русских гарнизонах в Финляндии, и флотские. Они уцелели так или иначе при подавлении финляндского коммунистического восстания белогвардейцами ген. Маннергейма и немецкими дивизиями фон дер Гольца, когда слово русский означало «большевик», когда в Выборге, например, в один день были расстреляны русские офицеры, солдаты и матросы, ни в чем не повинные. Но об этих черных страницах белой Финляндии – впереди.

Число этих офицеров – кадровых и военного производства – по скромному подсчету доходило до пяти тысяч. Впоследствии Юденич мне говорил, что по данным его штаба оно может быть доведено до восьми тысяч и больше. Это была аморфная масса, рассеянная по всей Финляндии, без всяких руководящих центров, в большинстве своем голодная, насчитывавшая в своих рядах как представителей большевизма (их, правда, было очень мало), так и приверженцев самого неограниченного абсолютизма. Она терпела гонения и оскорбления со стороны финляндских властей, у которых по этой части оказался вдруг большой опыт, заимствованный, очевидно, у бывших царских властей в Финляндии, а также

у немецких друзей за время их оккупации страны с мая по декабрь 1918 года.

Отметим мимоходом, что с международно-правовой точки зрения об «оккупации» Финляндии не могло быть и речи: немцы были приглашены в Финляндию правительством Свинхувуда²⁰ только в качестве сотрудников по подавлению финляндского же красного восстания. К русским же и русскому государственному имуществу оккупационные нормы не могли быть применены еще и потому, что вступление фон дер Гольца в страну состоялось после подписания Брест-Литовского договора, на который немцы смотрели формально, по крайней мере как на конкретный международный трактат. Но в силу внутренних законов прусского милитаризма пребывание немцев в Финляндии превратилось скоро для русских и всего русского в новое «состояние войны». Финляндская белая гвардия, особенно так называемые «егеря» (финляндцы, бежавшие во время войны в Германию и сформированные там в специальные егерские финляндские батальоны для борьбы на русском фронте) – эти белогвардейцы и егеря, усвоившие в Германии лучшие приемы прусских держиморд, охотно делали все логические заключения из нового своеобразного «состояния войны», провозглашенного фон дер Гольцем, – и русские, особенно военный элемент, теряли жестоко физически и нравственно.

Наряду с этим справедливость требует отметить другой факт, засвидетельствованный мне показаниями представи-

телей всех русских общественных классов и группировок в Финляндии, не исключая крайне правых. Никогда, ни до, ни после Бобрикова²¹, отношения к русским и ко всему русскому не отличались в Финляндии таким сердечным благожелательством, как во время коммунистического правления с 16 января по 12 мая 1918 года. Не было зарегистрировано ни одного ареста, ни одного расстрела русских как таковых или в зависимости от классовой принадлежности. В гостиницах Гельсингфорса и Выборга жила масса богатых беженцев из Петрограда: уезды, расположенные у русской границы, также были полны русских беженцев, владевших там недвижимым имуществом. Все они оставались на своих местах, в своих поместьях, и ни один красный финский комиссар не вздумал их выселять или лишать свободы. Когда же, наоборот, после вступления Маннергейма и фон дер Гольца в Гельсингфорс в Выборгской губернии начались бои с последними отступающими к Петрограду финскими красными частями, то волна белого террора захлестнула и тамошний русский элемент, далекий по своему общественному весу от всякого большевизма.

Покойный Л. Н. Андреев, живший в то время в Тюрисево, рассказывал мне впоследствии об этой эпохе много печальных страниц²². Он едва ли сгущал тогда краски, потому что его рассказ относился к моменту наивысшего напряжения его гнева именно против большевиков (январь 1919), когда он почти на моих глазах писал свой «SOS» и истериче-

ски взывал к вооруженной борьбе с коммунистическим террором – к интервенции Вильсона и Ллойд Джорджа, Фоша и Клемансо.

Когда я спросил, не думает ли он, что в России дело обойдется без ужасов белого террора, он ответил, что в силу особенностей русского характера русский белый террор, если он разразится, не будет похож на финляндский, и прибавил:

– А от своей, русской, пули мне приятнее умереть, чем от чужой...

Факт, во всяком случае, непреложный, что финляндский террор белый был грозен. Достаточно сказать, что по одной амнистии лета 1920 года, т. е. амнистии, провозглашенной через два года после подавления коммунистического восстания, из финляндских тюрем должно было выйти на свободу свыше 8 000 человек. И от этого террора, естественно, терпели, прямо или косвенно, русские, преимущественно же русское белое офицерство, сделавшееся козлом отпущения для финляндского шовинизма, которым в ту пору были заражены все буржуазные партии молодой, только что обретшей свою независимость страны.

* * *

От этих гонений и постоянных административных преследований молодое офицерство стало искать спасения на южном берегу Финского залива – в Ревеле, где, как мы уже отметили, в январские дни вооруженная борьба с Советской властью стала принимать более или менее организованный

характер, хотя и не выходя за пределы партизанщины.

Началась тяга в Эстонию. Молодые офицеры небольшими группами в 10–15 человек – в большинстве случаев элементы, которым «нечего было терять» в Финляндии, но которым становилось невтерпез положение париев, на торговых суденышках или ледоколах, зачастую вместе с партиями финляндских добровольцев, спешивших в Эстонию, стали переправляться в Ревель.

Но в этой тяге в дни моего приезда в Гельсингфорс не было никакой планомерности: партии добровольцев-офицеров шли в Ревель на собственный страх и риск, без «подъемных суточных и прогонных», без всякого снабжения, ведомые, с одной стороны, желанием уйти как можно скорее из Финляндии, с другой – стремлением попасть на арену активной борьбы с большевизмом, причем большинство только из газетных сообщений знало, что на том (эстонском) берегу залива действует какой-то «северный русский корпус».

В политическом отношении эти люди представляли собой материал, который поддавался обработке в любую сторону. Многие из них впоследствии при наступлении Северо-Западной армии на Петроград ничем себя не запятнали ни в военном, ни в политическом отношении: многие пали смертью храбрых на полях сражения под Гатчиной и Царским Селом под знаменем «Учредительное собрание». Многие подпали под развращающее влияние бандитов и казнокрадов, которыми, к сожалению, кишмя кишела Северо-Западная армия.

Значительная же часть, ограбленная нравственно и материально, томится и поныне в лесах Эстонии на лесных работах, куда их загнал эстонский шовинизм, возведенный в государственную систему при явном попустительстве местной социал-демократии. Еще некоторая часть после ликвидации фронта бросилась из огня да в полымя – ушла в Советскую Россию, где им была обещана амнистия при условии, если они вернуться к определенному сроку.

* * *

Я застал, наконец, в Гельсингфорсе и третью группу русских людей – наиболее влиятельную, наиболее активную и политически кристаллизованную. На ней я и остановлюсь подробнее, потому что из нее-то и выросло движение «На Петроград». Она-то впоследствии и питала духовно и политически Юденича и его штаб – и не только в так называемый гельсингфорсский период его деятельности, когда «герой Эрзерума» и будущий диктатор Петрограда месяцами почти не выходил на улицу из отеля Socitetshuset, но и в последующий боевой период в Ревеле и Нарве, когда уже существовало Северо-Западное правительство. Это правительство, как мы дальше покажем, и должно было определять всю политическую физиономию Петроградского фронта, повести армию в подлинно демократическом фарватере (в кабинете Лианозова²³ участвовали два социал-демократа и два правых социалиста-революционера) и управлять освобожденным краем на началах подлинного демократизма без

всякой примеси военной диктатуры. Но в силу внутренней логики белого движения и требований военного положения оно капитулировало шаг за шагом перед военными властями и докатилось до того, что 24 октября, когда Павловск и Царское Село уже были взяты, Юденич, собиравшийся на другой день вступить в Петроград, ни минуты не задумался сказать своим приближенным, что «эту шваль» они в Петроград не пустят...

Но об этом впереди – когда мы покажем оправдание отдельных честных и бескорыстных тружеников Северо-Западного правительства, что не это правительство определяло политическую деятельность Юденича, а другое, скрытое для посторонних взглядов, шедшее из Гельсингфорса, связанное кровно с Парижем и оттуда вдохновляемое. Я бы назвал эту гельсингфорсскую группу умеренно-либеральной. Она состояла из крупных петроградских промышленников, заводчиков, банкиров, отдельных сановников старого режима и генералов. Представителей интеллигенции (хотя бы и буржуазной) в ней почти не было, если не считать Е. И. Кедрина²⁴, И. Вл. Гессена²⁵, К. А. Арабажина²⁶ и Е. Ляцкого²⁷, которые одно время поддерживали техническую связь с ней.

Помню – уже через несколько дней после моего приезда в Гельсингфорс, после моей лекции в квартире К. А. Арабажина, мне стало ясно из рассказов хозяина и гостей (представителей местной трудовой интеллигенции), что заправляющая группа в социально-политическом отношении выража-

ет собой квинтэссенцию умеренного либерализма.

Назову отдельные имена, из которых многие известны широким общественным кругам: Лианозов, Утеман, Добрынин, Шуберский, Шайкевич (Международный банк), Мещерский (заводчик), Форостовский, Мамонтов, барон Гессен («Волга», «Кавказ и Меркурий»), Каменка (Азовско-Донской банк), князь Волконский (товарищ председателя Государственной думы и бывший товарищ министра внутренних дел при Протопопове), граф А. Буксгевден, генерал Суворов, генерал Кондзеровский, банкир Груббэ...²⁸

Так называемая «треповская» затея, относящаяся к осени 1918 года, когда в Финляндии доживали свои последние дни немцы, и заключавшаяся в том, чтобы образовать на территории Финляндии при содействии фон дер Гольца «все-российское правительство», – эта затея, которая тогда ввиду определенных приготовлений знаменитого брестского генерала Гоффмана к занятию Петрограда многим сулила шансы на успех, однако отцвела, не успевши расцвести. Бывший царский премьер Трепов приехал в Стокгольм и там все разболтал, а тем временем дела у германцев на Западном фронте кончились катастрофой, и им пришлось отказаться от новых российских экспериментов²⁹.

В Финляндии эта затея не оставила сколько-нибудь заметных следов, кроме, кажется, воспоминания о 500 000 марок, которые были отпущены финляндским правительством Трепову «на надобности русского комитета». Но связь от-

дельных представителей обрисованной здесь группы лично с Треповым или с его политическими тенденциями сохранилась.

Один из них, некий граф А. Буксгевден, бывший одно время правой рукой Юденича и ближайшим, хотя и негласным, его советником, рассказывал мне подробно для иллюстрации своих «заслуг» перед Россией, что именно на него несколькими месяцами раньше, т. е. ранней осенью 1918 года, выпала честь съездить «по определенному мандату» в главную квартиру генерала Гоффмана, что там совместно с брестским героем были разработаны детали занятия Петрограда германскими дивизиями и насаждения нового «все-российского» правительства.

Почтенный граф клялся при этом и бил себя в грудь, что он «германофилом» никогда не был, что он и его друзья хотели только использовать германские штыки для водворения порядка на Руси и устранения большевиков. При этом, предполагая, что раз я сотрудничаю в английских изданиях, то я обязательно «англофил» и «германофоб», он то и дело оговаривал других деятелей своей группы – помню главным образом князя Волконского, бывшего товарища председателя Государственной думы, который по его словам являлся настоящей «гидрой» германофильских течений...

Впоследствии действительно князю Волконскому пришлось покинуть гельсингфорсскую политическую арену. Немцы были повержены в прах, кругом веял антантистский

дух, даже стойкие до упрямства финны должны были, по крайней мере, для внешнего вида прикинуться антантофилами – иначе нельзя было бы получить продовольствия из Америки, и князь Волконский, не поладивший с Юденичем и новыми людьми, которые его стали окружать (А. В. Карташев, Кузьмин-Караваев и др.), уехал не то в Копенгаген, не то в Берлин. Через несколько месяцев, однако, когда и я уже успел распрощаться с Гельсингфорсом и перенес свою деятельность на южный берег Финского залива, в Ревель, имя князя Волконского снова как-то всплыло на поверхность.

Это было в дни «бермонтовщины», после внезапного удара знаменитого Авалова-Бермонта³⁰ на Ригу. В европейской печати пронесся слух, что видное место среди членов образованного Аваловым-Бермонтом «всероссийского национального совета» с функциями правительства занимает и бывший товарищ председателя Государственной думы 4-го созыва князь Волконский. Это казалось весьма правдоподобным, и я ни минуты не задумался дать место этому сообщению на столбцах «Свободы России», которую я тогда редактировал, поддерживая демократическую декларацию Северо-Западного правительства. Но велико было мое удивление, когда недели через две – это совпало с напряженнейшим моментом наступления на Петроград – С. Г. Лианозов, глава Северо-Западного правительства, стал рассказывать мне о письме, полученном им из Копенгагена от князя Волконского, в котором тот просил «заставить Кирдецова» опроверг-

нуть напечатанное им в его газете сообщение...

Я и теперь не знаю, какие именно меры воздействия имел в виду вельможный князь – цензурные или иные. Я редактировал «Свободу России» на территории Эстонии, цензура, следовательно, не подвергался, а Северо-Западное правительство я поддерживал в своих статьях лишь постольку, поскольку оно реально творило провозглашенные им в своей декларации подлинно демократические принципы. Но – каюсь – я был тогда настолько наивен, чтобы верить, что последние несколько лет русской жизни не прошли бесследно и для политических деятелей типа князя Волконского.

Однако горбатого действительно только могила исправит...

* * *

Впрочем, мне припоминается из моей редакторской практики той эпохи другой инцидент, когда на меня пытались воздействовать «серьезными мерами» не только отечественные любители старины, но и чужие – наши английские друзья и доброжелатели.

Это было незадолго до моего переезда из Гельсингфорса в Ревель и образования Северо-Западного правительства. Я состоял тогда редактором «Отдела агитации и печати», Политического совещания при главнокомандующем и работал в тесном контакте с А. В. Карташевым. Однажды, когда обещанные англичанами и долгожданные транспорты с оружием для Северо-Западной армии все запаздывали, между тем

как транспорты с оружием и обмундированием для эстонцев приходили аккуратно, вследствие чего русское общественное мнение стало заметно волноваться, я в частном разговоре сказал кому-то правду. Я рассказал то, что мне доподлинно известно было, а именно то, что с одним из больших английских транспортов, шедшим в Ревель, в Северном море случилось несчастье, что оно было вынуждено вернуться в исходный порт, где клад теперь и перегружается на другой транспорт.

Но в том состоянии морального разложения, в котором пребывала тогда русская колония в Гельсингфорсе, при той сети сыска и наблюдения, которой агенты Антанты опутывали тогда все русское, меня не удивило, что на другой же день после этого разговора английский генерал Марш, начальник военной миссии в Балтике, стяжавший себе впоследствии большую славу при образовании Северо-Западного правительства, как бомба ворвался к Юденичу и стал требовать моего «устранения». Он указывал, что совершенно недопустимо, чтобы лицо, занимающее такой ответственный пост, распространяло «вздорные» слухи о том, как Англия помогает своим союзникам, и в конце пригрозил, что когда Петроград будет взят, он, генерал Марш, меня туда не пустит.

Судьба, однако, захотела, чтобы это «невмешательство» английского генерала не получило осуществления. Юденич, правда, оробел: А. В. Карташев тоже был смущен, но мне все-таки без особых трудов удалось убедить обоих, что наг-

лым домогательствам должен быть дан отпор решительный и немедленный – иначе англичане и впрямь на голову нам сядут скоро. Через несколько месяцев храбрый генерал, как известно, был отозван из Балтики, так как его диктаторские замашки, обнаружившиеся с такой яркостью при образовании Северо-Западного правительства, не пришлись по вкусу даже Верховному совету в Париже, а я остался в Ревеле. Там другие англичане, знатные и скромные, еще долго продолжали ходить ко мне в редакцию «Свободы России» и предлагать «случайные», полученные ими из Лондона корреспонденции, разумеется, определенного характера, но это уже были только просители.

Этот эпизод, надеюсь, послужит некоторым утешением и для князя Волконского.

* * *

Люди его общественного веса играли первенствующую роль в описываемой здесь третьей группировке русских эмигрантов в Финляндии. Они определяли ее «политику» в отношении молодой республики, а равно и по отношению к союзникам и вчерашнему противнику – Германии. Но их было мало, так как во второй половине 1918 года тяга буржуазно-аристократических элементов из Петрограда и Москвы направлялась преимущественно на юг России – в Украину к Скоропадскому. В Финляндию же спасались отдельные представители финансового мира и крупной промышленности, которые «на всякий случай» считали удобнее держаться

вместе и поближе к Петрограду или располагали именьями за Белоостровом, отдельные сановники и вельможи, имевшие отдаленную связь — родовую или идейную — с германскими военными и гражданскими администраторами в Финляндии.

Эта социальная особенность гельсингфорсской эмиграции и наложила свою печать на всю ее дальнейшую политику. Профессионалов-политиков левее, скажем, кадетов там не было вовсе. Литераторы-публицисты не пользовались «благоволением», да они почти отсутствовали. К. А. Арабажина, который когда-то был деятельным основателем украинской социал-демократии, держали в черном теле за «вредное направление» газеты «Русский листок», которую он издавал в Гельсингфорсе во время владычества большевиков; Е. Ляцкого не любили за «левое интриганство»; Иорданский жил у себя на даче где-то около Белоострова и в гельсингфорсскую «политику» не вмешивался.

Л. Н. Андреев в Гельсингфорсе вовсе не показывался, а доживал свои последние месяцы в Тюрисево в скромном доме однофамильца Андреева, почти без средств к существованию. Без книг, которые остались у него в Петрограде в его доме на Марсовом поле, больной, раздражительный, умиравший от бессонницы и головных болей.

Приехал было в Гельсингфорс (в начале января того же 1919) и П. Б. Струве. Но как член Правления Национального Центра, он спешил на «большую» арену, где решались тогда,

как казалось, судьбы России, – в Париж, на мирную конференцию, или, точнее, на общероссийское политическое совещание, которое тогда образовывалось на берегах Сены. Он оставил в Гельсингфорсе своего товарища по Национальному Центру, бывшего одно время министром вероисповеданий при Керенском, А. В. Карташева: на его-то рыхлые богословские плечи и взвалена была отныне тяжелая задача вести под-петроградскую политику – военную и дипломатическую.

Впоследствии, месяца через два-три, в Гельсингфорс перебрались также В. Д. Кузьмин-Караваев и его редактор «Речи» И. В. Гессен. Однако ни тот, ни другой, сами представители буржуазного либерализма, не могли изменить создавшейся обстановки. Старый либерал из генералов, напротив, сделался фасадом для Юденича, вступив скоро членом в Политическое совещание при главнокомандующем, где и оставался, сочиняя какие-то таинственные проекты по снабжению Петрограда продовольствием из американских складов по «новым», невиданным ранее карточкам, вплоть до образования в Ревеле Северо-Западного правительства. Но тогда знаменитый генерал Марш вдруг почему-то его забраковал, заявив ему чуть не на пороге комнаты, где должно было состояться предварительное совещание, что он, Марш, «был лишен удовольствия пригласить» его на совещание, но раз он уже явился, то – милости просим...

Гессена же, как человека «с тяжелым характером», буду-

ций диктатор Юденич невзлюбил с первой же встречи, и хотя Гессен и продолжал к нему ходить в Socitetshuset и давать советы по делу о спасении России, но в Политическое совещание Юденич его не пускал, может быть, еще и потому, что еврейское происхождение редактора «Речи» не внушало диктатору гарантий благонадежности. Так Гессен и перешел в оппозицию «его величества» вместе с Е. И. Кедриним, оставшимся и в тяжелые эмигрантские времена честным, самоотверженным, но, увы, верующим и наивным служителем «внеклассовому» общественному делу, каким он считал себя в юные свои годы.

Несмотря на то что сначала в Гельсингфорсе, а затем на южном берегу залива – в Ревеле, когда он уже был министром юстиции в Северо-Западном правительстве, мы стояли с ним на различных платформах и наши споры были нескончаемы, я сохранил о покойном Е. И. Кедрине лучшие воспоминания как о самой чистой фигуре на фоне тамошней общественности. Но Е. И. Кедрин был необыкновенно наивен и верил – верил всем и каждому. Например, в бытность свою министром юстиции Северо-Западного правительства, за что, кстати, Национальный Центр, членом которого он состоял, предал его анафеме, генералы и гражданские администраторы в освобожденных от большевиков районах творили гнуснейшие дела по части «правосудия». Они держали в тюрьмах сотни людей – женщин и стариков, по одному подозрению в сочувствии большевизму, предавали их на основа-

нии военного положения безапелляционному полемому суду, в то время как самое циничное казнокрадство, лихоимство и взяточничество были в большем фаворе и, конечно, не карались, потому что некому было карать. Е. И. Кедрин волновался, стучался в двери к Юденичу, к его помощнику в качестве военного министра генералу Кондыреву и другим сильным мира сего, к начальникам многочисленных штабов (при армии в 72 000 едоков и... 25 000 штыков!) и столь же многочисленным «главноуправляющим», но терпел неудачу за неудачей и страдал.

Помню один такой случай.

В Нарве в разгар наступления Северо-Западной армии на Петроград или вскоре после ее поражения в русскую военную тюрьму был посажен по подозрению в сочувствии большевизму некий Садыкер, маленький петроградский журналист, кажется, сотрудник «Дня», служивший до того добровольцем в автомобильной роте в Ямбурге. Дело было пустяшное, никаких улик не было в руках военной прокуратуры, все обвинения покоилось на каком-то доносе, исходявшем из Финляндии, где арестованный раньше жил. Тем не менее военные власти, продержав его некоторое время в одиночном заключении, передали его военно-полевому суду, который, как правило, оправдательных приговоров не выносил. Случайно об этом деле узнали мои сотрудники по «Свободе России», которые и обратили на него внимание, конечно, министра юстиции Е. И. Кедрина. Тот горячо при-

нялся за дело, послал ряд срочных депеш военному прокурору, начальнику штаба и чуть ли не «самому» Юденичу с требованием препроводить ему как министру юстиции весь обвинительный материал. Е. И. Кедрин сильно волновался, он знал, что в таких случаях военные власти любят ставить его перед свершившимися фактами. И его предчувствие оправдалось. Целых три дня он ни от кого не получал ответа, несмотря на то, что телеграф действовал вполне исправно, так как Северо-Западная армия располагала собственным проводом между Нарвой и Ревелем, не говоря уже о телефонном сообщении и фельдъегерях и курьерах, которые зачастую катались в поездах между Ревелем и Нарвой исключительно для доставки «подарков» генеральским женам. На четвертые сутки наконец Е. И. Кедрин получает ответную телеграмму с извещением, что его, министра юстиции, депеша пришла с большим опозданием – смертный приговор приведен в исполнение...

Таких «инцидентов» в практике военного правосудия на Северо-Западном фронте было много. В конце концов Е. И. Кедрин не вытерпел и еще до полной ликвидации правительства уехал в Париж, совершив при этом непростительную ошибку тем, что в последнюю минуту дал себя уговорить сохранить за собой звание «министра» Северо-Западной области... на берегах Сены.

Но в Гельсингфорсе, как мы уже указывали, Е. И. Кедрин долго поддерживал оппозицию И. В. Гессена против Юде-

нича. Но это была скорее «оппозиция его величества» или просто фронда, потому что зачастую она питалась преимущественно частными мотивами.

Гельсингфорс вообще был беден людьми – особенно демократическими элементами, и поэтому уже на выборгском съезде, состоявшемся 14 января 1919 года, т. е. месяца через два после провала треповской затеи, верх взяла крупная буржуазия, так называемая торгово-промышленная группа. Это не был съезд по выборам с участием всех группировок русского населения в Финляндии, а своего рода «чашка чая» по приглашению. Формально речь шла об избрании общерусского комитета в Финляндии, которому финляндское правительство готово было присвоить права официального представительства и консультационные функции. В действительности же инициаторы и участники съезда имели в виду образование чисто политического органа для осуществления предстоящих общерусских задач. Само собой понятно, что ввиду изменившейся общемировой обстановки – капитуляции Германии – съезд поспешил выявить свое лицо и в международном отношении. Торгово-промышленная группа, взявшая верх, окрасила себя немедленно в антантофильский цвет – предстояло ведь вести большую политику... Был выбран комитет – любители громких фраз называли его «национальным советом» – во главе с бывшим министром Временного правительства А. В. Карташевым. Товарищами его были выбраны князь Волконский, о котором мы выше уже

упомянули, и, если память мне не изменяет, известный петроградский крупный промышленник, директор резиновой мануфактуры «Треугольник» Утеман. Комитет подразделялся на многочисленные подотделы и комиссии, которые с консульскими функциями, разумеется, ничего общего не имели, оставаясь поэтому на положении учреждений «нелегальных».

Решающая роль принадлежала здесь, несомненно, А. В. Карташеву. Она за ним и осталась вплоть до переезда Юденича на южный берег залива (август 1919). Князь Волконский, как бывший товарищ министра внутренних дел царской эпохи, был неудобен. Кроме того, за ним числились германофильские грехи. Утеман же, как крупный промышленник, мало что понимал в той «большой политике», которую предстояло делать. Что же касается остальных членов комитета, то это были преимущественно рядовые крупные промышленники, вроде, например, Ф. А. Добрынина, председателя Правления Страхового общества «Россия», или средние представители либеральных профессий, как, например, присяжный поверенный, бывший член Государственной думы Шефтель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.